

О подпольном журнале «Порыв», похоронах Валентина Серова и встречах с Владимиром Маяковским

<http://oralhistory.ru/talks/orh-94>

23 марта 1969

Собеседник

Ланг Евгения Александровна

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 23 марта 1969 и опубликована 18 декабря 2017.

Введение

В первой беседе художница Евгения Ланг рассказывает о своей гимназической юности. В шестом предпоследнем классе гимназии она печаталась в журнале «Порыв» (издавался в феврале — апреле 1907 года учениками 3-й мужской гимназии Москвы) и по делам журнала встречалась с Маяковским, тогда учеником четвертого класса 5-й мужской гимназии. Стоит ли говорить, что семнадцатилетняя гимназистка не обратили никакого внимания на четырнадцатилетнего коллегу. Их настоящее знакомство произошло лишь 24 ноября 1911 года на похоронах художника Валентина Серова, где Маяковский, уже ученик Училища живописи, ваяния и зодчества, впервые выступил с публичной речью. Заинтересованность была взаимной. Маяковский сумел добиться расположения девушки. Их встречи, прогулки, разговоры продолжались, по рассказу Ланг, почти всю зиму 1911–1912 годов. До воспоминаний Евгении Ланг первым серьезным увлечением и любовью Маяковского считалась Вера Шехтель, с которой поэт увиделся больше года спустя, только 5 марта 1913 года.

Вступительную статью и комментарии к беседам с Е.А. Ланг подготовил литературовед Владимир Радзишевский.

О датах рождения действующих лиц

Виктор Дмитриевич Дувакин: Евгения Александровна, рассказывайте все.

Евгения Александровна Ланг: Я хочу начать с фактической стороны.

В.Д.: И про себя сначала.

Е.Л.: Да. Во-первых, хочу установить возрастное отношение действующих лиц этой драмы*.

В.Д.: Начиная с себя.

Е.Л.: Да, начиная с себя. Я старше Маяковского на три года и три месяца**. Его старшая сестра старше его на девять лет***, его младшая сестра старше его, также как я была, тоже на три года****. Лиля Брик, что бы она ни говорила, старше его все-таки на пять лет*****, а Эльза Триоле его моложе на один год*****. Вот это самые точные сведения о наших всех возрастах.

* Евгения Ланг, родившаяся в мае 1890 г., была старше Маяковского на три года с лишним, поэтому ей так важно было подтвердить слух о том, что Лиля Брик еще старше, чем она, а уж Маяковского старше на целых пять лет. Но этот слух опровергается документальной записью, которую обнаружил недавно исследователь поэзии Серебряного века В.А. Дроздов в архиве Московской хоральной синагоги. Эта первая в Москве синагога открылась только в 1906 г. – спустя годы после рождения Лили Каган, но до ее бракосочетания с Осипом Бриком, которое состоялось 26 февраля 1912 г. И в книге регистрации обрядов бракосочетания указана дата рождения невесты – 30 октября 1891 г. (Центральный исторический архив Москвы. Фонд 2372. Опись 1. Дело 42. Часть 1. Лист 187 об.). Сомневаться в этой дате нет оснований.

** Дальше Ланг говорит, что она родилась 10 мая 1890 г. А Маяковский родился 7 июля 1893 г. Значит, она старше на 3 года и 2 месяца.

*** Людмила Владимировна Маяковская родилась 12 августа 1884 г.

**** Ольга Владимировна Маяковская родилась 30 июля 1890 г.

***** Не на 5 лет, а на 1 год, 8 месяцев и неделю.

***** Эльза Триоле родилась 24 сентября 1896 г. Она моложе Маяковского на три года и 2 с лишним месяца.

В.Д.: Переведем это в годы. Значит, Маяковский точно родился в 1893 году, 7 июля по старому стилю, вы на три года и три месяца старше, то есть...

Е.Л.: В мае месяце 90-го года.

В.Д.: Вы родились в мае месяце 90-го года. Лиля Юрьевна, по-вашему, старше вас?

Е.Л.: Я это много раз слышала от Маяковского, когда я говорила ему: «Слушай, Володя, но я ведь тебя намного старше», — он говорил: «А Лиля меня еще намного больше старше и никогда об этом не говорит. Она на пять лет меня старше». Вот это я слышала. А потом в воспоминаниях Эльза Триоле ясно пишет, что она моложе своей сестры на шесть лет. Значит, она моложе Маяковского на один год*.

* В воспоминаниях «Заглянуть в прошлое», написанных в 1956–1957 гг. для 66-го тома «Литературного наследства» – «Новое о Маяковском», Эльза Триоле сообщает, что осенью 1913 г., когда она впервые встретилась с Маяковским, ей было «уже шестнадцать лет» (Имя этой теме: любовь!: современницы о Маяковском / сост., вступ. ст., коммент. В.В. Катаняна. М.: Дружба народов, 1993. С. 46). Это не противоречит тому, что Эльза родилась 24 сентября 1896 г., как сообщают справочники.

В.Д.: В отношении сестер и Эльзы это не вызывает сомнения. Ольга Владимировна 90-го года, как и вы, она родилась 30 июля, то есть 11 августа по новому стилю. Людмила Владимировна почти, действительно, на девять лет. Она родилась 12 (24 по новому стилю) августа 1884 года, без малого девять лет. В отношении Эльзы Триоле точной даты ее рождения я не знаю, во всяком случае, по-моему, 1894 год как год ее рождения никем не оспаривается*. А вот в отношении возраста Лили Юрьевны здесь действительно как-то неясно. В алфавитном указателе к Полному собранию сочинений Маяковского Александр Вильямович Февральский** (под его руководством это делалось) поставил, со слов самой Лили Юрьевны, 1891 год. Но есть сведения, что она, очевидно, по каким-то жизненным обстоятельствам (это часто делалось) убавила себе когда-то годы, потому что в одной из домовых книг, когда ей нужно было прописывать паспорт, уже в советские годы, записан 1889 год***.

* Не оспаривается как раз то, что Эльза Каган (Триоле) родилась 24 сентября 1896 г.

** Театровед, критик и мемуарист А.В. Февральский (1901–1984) вместе с биографом Маяковского В.Ф. Земсковым (1926–1977) был редактором последнего, 13-го тома Полного собрания сочинений поэта, где и помещен обширный указатель имен и названий (М.: Гос. изд-во худож. лит., 1961. С. 433–566). Но его составителем была Наталья Федоровна Рябова (1907–1992), одна из пассий Маяковского, автор воспоминаний «Киевские встречи» (Имя этой теме: любовь! современницы о Маяковском. С. 211–242). И некоторые даты в этом указателе действительно приведены «со слов». Так, годом рождения Ксении Михайловны Асеевой, жены Николая Асеева, назван 1900-й. Лилия Брик по этому поводу оставила ироническую помету на полях сборника «В. Маяковский в воспоминаниях современников» (М.: Гос. изд-во худож. лит., 1963), где сведения об Асеевой повторены: значит, она вышла замуж за Асеева в 13 лет? Впоследствии по документам выяснилось, что Ксения Михайловна была старше на 8 лет. Она родилась в 1892 г.

*** Повторяя это в разговорах, Дувакин каждый раз ссылаясь на свидетельство своей приятельницы, текстолога, многолетнего хранителя рукописного фонда Библиотеки-музея В.В. Маяковского – Варвары Аветовны Арутчевой (1900–1991).

Е.Л.: В 89-м году. Какого месяца, интересно?

В.Д.: Вот этого я сейчас не помню.

Е.Л.: Потому что это может почти на пять лет быть. Потому что я, например, старше Маяковского на три года и три месяца, потому что я в самом начале...

В.Д.: Значит, вы родились в 90-м году, какого месяца?

Е.Л.: 23 мая по новому стилю и 10 мая — по старому*.

* При переводе со старого стиля на новый к датам из XIX в. прибавляют не 13 дней, а 12. Следовательно, по новому стилю Евгения Ланг родилась 22 мая.

В.Д.: Тогда не три месяца выходит, а два, ну, неважно, с июля — июнь, май... Хорошо, это не так важно. Да и в отношении возраста Лили это тоже, в конце концов, не так важно: четыре с половиной или пять. Конечно, со временем точная дата ее рождения будет уточнена. Я вижу, собственно, ваше свидетельство не настолько категорично, чтобы ставить еще под вопрос и цифру 89 и считать, что это 88-й год. Действительно, может четыре с половиной. Людмила Владимировна тоже говорит, что она родилась в 1889 году, в начале года. Так оно и получается. В конце концов, это не так уж важно. Расскажите о себе до знакомства с Маяковским.

Издание гимназического журнала «Порыв»

Е.Л.: Я москвичка. Да, и еще одно действующее лицо, лицо очень важное — это Бурлюк. Бурлюк был на восемь лет меня старше, так что вообще...

В.Д.: Значит, если вы 90-го, то Бурлюк — 82-го*?

Е.Л.: 82-го. Он на восемь лет был старше. Что бы ни говорили, Бурлюк очень большую роль сыграл в жизни Маяковского, и очень положительную. Он ему был очень преданным старшим товарищем. Я не люблю Бурлюка, не люблю все его последующие деятельности, но считаю, что в жизни Маяковского он сыграл очень доброкачественную роль. Потому что я была свидетельницей, как он с ним возился, как он его опекал... Потому что Маяковский был подвержен, как вам сказать, упадкам иногда. У него был иногда страшный упадок веры в себя, мрачнейшие у него были настроения, и Бурлюк вот тут умел поддержать и говорить...

* Давид Бурлюк родился 9 июля 1882 г.

” Мне Бурлюк говорил очень просто: «Надо Маяковскому иногда молебен послужить, говорить: “Ты гений, ты гений, ты гений”. Ну и он начинает верить».

В.Д.: Евгения Александровна, это очень интересно, мы к этому потом вернемся. Но мне все-таки вначале хочется немного про вас. Значит, вы москвичка. И ваше первое знакомство с ним...

Е.Л.: Тут все очень связано с моей личной жизнью и с драмами моей личной жизни, которые... Так как я была старше Маяковского, то в моей жизни уже были какие-то люди и какие-то сложности. Когда я познакомилась с Маяковским, я была невестой моряка.

В.Д.: Вы были уже не гимназисткой?

Е.Л.: Нет. Мне был двадцать один год, когда я с ним познакомилась. Я с ним познакомилась сперва гимназисткой, но этот период не отразился на наших отношениях, потому что...

В.Д.: Московской гимназисткой?

Е.Л.: Московской, да.

В.Д.: В какой гимназии вы учились?

Е.Л.: В гимназии Шписс* на Лубянской площади, тогда Лубянской, теперь**...

* Частная женская гимназия Наталии Евгеньевны Шписс располагалась по адресу: Лубянская площадь, дом страхового общества «Россия» (Вся Москва: адресная и справочная книга на 1907 год. М.: Городская тип., 1907. Стр. 280). Это 5-этажное здание, фасадом выходящее на площадь, а боковыми корпусами на улицы Большая и Малая Лубянка, построено в 1897–1898 гг. Следом, в 1900–1902 гг., сбоку, через Малую Лубянку, построен еще один, но уже 4-этажный доходный дом для того же ведомства. С 1919 г. эти здания занимает центральный аппарат меняющихся название спецслужб: ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД и т. д.

** В 1926–1990 гг. Лубянская площадь называлась площадью Дзержинского.

Дом страхового общества «Россия» на Лубянской площади, в котором находилась женская гимназия Н.Е. Шписс. Москва, 1900-е гг. Источник фото: pastvu.com

В.Д.: И родились в Москве?

Е.Л.: Родилась в Москве.

В.Д.: В какой семье?

Е.Л.: У отца* моего книжный магазин был на Кузнецком мосту, где вся культурная Москва собиралась, вплоть до Толстого. Я там всех видела: и Толстой, и Станиславский, и [Муромцев](#)... Вообще, вся культурная Москва там бывала и бывала у нас дома.

В.Д.: Итак, московская гимназистка, кончив гимназию...

Е.Л.: Кончив гимназию, я... В шестом классе гимназии мы издавали нелегальный журнал гимназический, который назывался «Порыв»**. Как мы с этим «Порывом» не влипли, ей-богу, до сих пор не понимаю.

* Отец Евгении Ланг, коллежский секретарь Александр Александрович Ланг (?–1913), стал владельцем книжного и музыкального магазина в доходном доме князя А.Г. Гагарина на Кузнецком мосту (д. 15 по тогдашней нумерации, выросшей в советское время после включения в начало улицы Кузнецкого переулка – от Большой Дмитровки до Петровки; сейчас это д. 19) в 1871 г. С 1895 г. здесь же был открыт читальный зал. До 1900 г. Ланги жили при книжном магазине. С 1900 по 1911 г. – на Мясницкой, в доме Стахеева (д. 6). С 1911 по 1914 г. – в Малом Успенском пер. (с 1922 г. Сверчков пер.), д. 10.

** По преимуществу общественно-политический, но отчасти и литературно-художественный журнал «Порыв» выпускался кружком старшеклассников 3-й гимназии, а заинтересовать и привлечь к сотрудничеству они рассчитывали не только соучеников, но и сверстников из других московских гимназий. Печатался на гектографе – тиражом до ста экземпляров. Всего вышло три номера – в феврале, марте и апреле 1907 г.

Слева виден доходный дом князя А.Г. Гагарина на Кузнецком мосту №19 (новая нумерация), в котором находился книжный магазин А. Ланг. Москва, 1909.
Источник фото: pastvu.com

В.Д.: Простите, «Порыв» издавала 3-я московская гимназия.

Е.Л.: 3-я гимназия, а я была в издательском комитете.

В.Д.: Но это же мужская гимназия.

Е.Л.: Да. Но мы объединились.

В.Д.: Вы имели отношение к «Порыву»?

Е.Л.: «Порыв» был в нашей гостиной. У моего отца собирался «Порыв». Сережа Игнатов был нашим главным редактором. Сережа Чемоданов* там играл большую роль...

* Чемоданов Сергей Михайлович (1888–1942) у себя в квартире на Сретенском бульваре сохранил полный комплект журнала «Порыв».

В.Д.: Называйте, называйте фамилии.

Е.Л.: Да, потом был [Саша Тагер](#), [Толя Бергер](#)... А я там считалась оформителем журнала и членом редакции.

В.Д.: Вы тогда еще были гимназисткой женской гимназии Шписс?

Е.Л.: Да. Причем отец мой об этом знал. Отец мой так к этому относился: «Ну, ладно, если тебя выгонят из гимназии, я тебя отправлю заканчивать учение в Швейцарию».

В.Д.: Неплохо (*смеются*).

Е.Л.: Просто смотрел. Это, может быть, очень хорошо.

В.Д.: А вы читали публикацию о журнале «Порыв»?

Е.Л.: А где это?

В.Д.: Перед войной еще, когда я работал в Литературном музее, я объединил там целый ряд работ по Маяковскому. Сотрудник Литературного музея [Евгений Зенонович Балабанович](#) разыскал ряд сотрудников «Порыва», даже видел один номер. И была журнальная (сейчас я наизусть не могу сказать) публикация, небольшая статья «Гимназический журнал “Порыв”»*. Это был 40-й или 41-й год.

* В конце 1930-х гг. Е.З. Балабанович (1906–1980) уговорил С.М. Чемоданова показать сохранившиеся у него номера журнала. Но из трех номеров Чемоданов почему-то показал своему confidentу только первый и второй. Это странно, потому что, когда весной 1971 г. мы с Рудольфом Дугановым по подсказке Балабановича пришли к вдове Чемоданова, Фелице Зелинской, – все три номера лежали в одной папке. Странно и то, что ни Литературный музей, ни Библиотека-музей Маяковского, ни Центральный государственный архив литературы и искусства не попытались через Балабановича приобрести раритеты, связанные с Маяковским, безусловным, наряду с М. Горьким, советским классиком. Скорее всего, в музейных и архивных фондах тогда так ничего и не узнали о драгоценной реликвии. Возможно, сам Чемоданов не хотел огласки, опасаясь, как бы сочувственное упоминание авторами журнала эсеров и кадетов в 1907 г. не вызвало политических обвинений в 1937 г., и Балабанович не мог нарушить его волю. Он и в своем сообщении не проговорился о том, где находятся экземпляры журнала. А само это сообщение появилось в печати только в 1956 г., через 14 лет после смерти Чемоданова (см.: Е.З. Балабанович. Журнал «Порыв»: новые материалы для биографии В.В. Маяковского // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1956. Т. 15. Вып. 3. Май – июнь. С. 260–264). Кроме Чемоданова, Балабанович расспрашивал о «Порыве» Игнатова, Бергера и др.

Е.Л.: Тогда я была в Париже.

В.Д.: Тогда я вам найду.

Е.Л.: Я же жила пятьдесят лет в Париже. А я там статьи писала об этом... Как уж я писала, не знаю. Но как мы с ним не влипли — это было совершенно удивительно.

В.Д.: Но вы что, вы одна были из этой гимназии? Просто лично дружили с кем-нибудь из этих парней?

Е.Л.: Нет, нет.

В.Д.: Или это мужская и женская?

Е.Л.: Нет, вообще, не вся мужская гимназия была, конечно. Это была группа, и из нашей тоже была группа. Моя группа была: это была я, потом была у меня такая подруга Лидочка Кубицкая, тоже какие-то зажигательные статьи писала, потом была Лидочка Гиршфельд, которая там о музыке писала. И приходил мальчик, длинный, скромный мальчик, и называл себя «товарищем Константином»* и передавал тоже какие-то зажигательные статьи. Во всяком случае, «Долой самодержавие!» мы не стеснялись писать**. Мы были необычайно откровенны в наших высказываниях. И как мы не влетели, ей-богу, не пойму.

* По словам Маяковского, будучи партийным пропагандистом (1908–1909), он для конспирации «звался “товарищем Константином”» (Маяковский В. В. Я сам // Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. 1912–1917 / подгот. текста и примеч. В.А. Катаняна. М., 1955. С. 16. Скорее всего, Евгения Ланг просто цитирует слова Маяковского из этой автобиографии. Но, может быть, соединяет их со смутным воспоминанием о том, что в первом номере «Порыва» был помещен большой рассказ «Гимназисты», подписанный псевдонимом Константин.

** Не буквально, но местами близко по смыслу, хотя основные статьи («Русская революция и молодежь», «К.-Д. и Дума», «Религия и общественный строй», «Общее мирозерцание и половая нравственность») были подчеркнута рассудительными и не сбивались на митинговую риторику.

В.Д.: У вас нет тут временного сдвига? По времени. Чтобы у Маяковского «Долой самодержавие!»... Могло быть в журнале «Порыв»...

Е.Л.: Нет, я говорю, что тон наших статей был.

В.Д.: Это я понимаю, это все так.

Е.Л.: Мы считали, что мы делаем подпольную прессу, и совершенно не стеснялись в наших высказываниях. Ну, в общем, мы все гимназисты...

В.Д.: Вы «Автобиографию» Маяковского, конечно, читали?

Е.Л.: Да.

В.Д.: Помните, ведь у него есть такая фраза... Он учился в 5-й московской гимназии, а «Порыв» издавался 3-й гимназией.

Е.Л.: 3-я гимназия издавала. А он учился не то в 4-й, не то в 5-й, ее здание сломали* недавно, при мне.

* Сбоку от нынешнего Нового Арбата, перед уцелевшей церковью Симеона Столпника, под острым углом расходились улицы Большая Молчановка и Поварская. Закругляясь на этом углу, на обе улицы смотрели фасады 5-й мужской классической гимназии, в которой учился Маяковский. Ее сломали в начале 1960-х гг., прокладывая Новый Арбат.

5-я московская мужская гимназия на углу Поварской и Большой Молчановки. Москва, 1913–1914 гг. Автор фото Э.В. Готье-Дюфайе. Источник фото: pastvu.com

В.Д.: Да-да-да, только...

Е.Л.: Только я ее названия не помню: или 4-я, или 5-я. Там у него был еще товарищ Миша Медведев. Мы его звали Миша **Медведев***, а он Сергей Сергеевич. Теперь он академик, химик.

В.Д.: Да, виноват, тут я ошибся. *(Читает)* «Перевелся в четвертый класс 5-й гимназии»**.

* Сестра Медведева и сестра Маяковского, Людмила Владимировна, подружились в Строгановском училище. А через сестер познакомились и братья. Нелюдимый и замкнутый с одноклассниками у себя в 5-й гимназии, Маяковский потянулся к товарищам Медведева по 3-й гимназии, посещал собиравшийся там социал-демократический кружок и заинтересовался журналом «Порыв». Стенограмма воспоминаний Медведева о Маяковском-подростке (1938) положена в основу публикации: Медведев С.С. Из воспоминаний // В. Маяковский в воспоминаниях современников / вступ. ст. З.С. Паперного; сост., подгот. текстов и примеч. Н.В. Реформатской. С. 68–75.

** Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. 1912–1917 / подгот. текста и примеч. В.А. Катаняна. М., 1955. С. 15.

Е.Л.: Вот, 5-й гимназии.

В.Д.: Та, которая на Арбатской площади — 5-я гимназия.

Е.Л.: Вот-вот-вот, там он учился, да.

В.Д.: А вот тут немножко дальше: «3-я гимназия (вы правы) издавала нелегальный журнальчик “Порыв”. Обиделся. Другие пишут, а я не могу?! Стал скрипеть. Получилось невероятно революционно и в такой же степени безобразно. Вроде теперешнего Кириллова. Не помню ни строки. Написал второе. Вышло лирично. Не считая таковое состояние сердца совместимым с моим “социалистическим” достоинством,

бросил вовсе»*.

* Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. 1912–1917 / подгот. текста и примеч. В.А. Катаняна. М., 1955. С. 16.

Е.Л.: Вот да, приходил он несколько раз. Я помню его длинным мальчиком, но ни в какие разговоры мы не вступали. Я себя считала тогда членом редакционной комиссии и, так сказать, с сотрудниками, как мы называли (словами-то мы бросались большими, конечно), я в большие разговоры не вступала. Просто говорила: «Вот, товарищ, принимаю эту статью, и редакционная коллегия будет ее читать». А в редакционной коллегии был Сережа Игнатов, Чемоданов Сережа, Медведев... Они старше нас немножко были.

В.Д.: Да, Сергей Сергеевич Медведев старше.

Е.Л.: Старше был. Он года на три был старше. И Сережа был очень положительный тип. Вообще, вся эта была его... А потом произошли все эти скандальные истории, когда их выгнали из 3-й гимназии.

В.Д.: Прошу прощения, можно вас прерву? Все сходится, и действительно вы... Значит, он приходил, и вы говорите, что он что-то приносил.

Е.Л.: Приносил, приносил.

В.Д.: Статьи или стихи, это вы не помните?

Е.Л.: Это были, во всяком случае, не стихи, потому что потом он мне говорил, когда уж мы с ним подружились, что стихов он не писал и не приносил тогда*.

* Опрошенные Балабановичем Чемоданов, Игнатов и Бергер тоже заявили, что стихов Маяковского в «Порыве» не было. Но Маяковский сообщает в автобиографии о двух стихотворениях – революционном и лиричном, которые он сочинил, соревнуясь с авторами «Порыва». Под это описание в журнале подходит одна стихотворная пара: «Весенняя картинка» (1907. Февраль. № 2) и «Полно плакать над ним... Отдыхает...» (1907. Март. № 3). Первое стихотворение вполне можно назвать лиричным, второе – революционным. А объединяет их, помимо тематического совпадения со стихами Маяковского, одна и та же необычная подпись: – ъ. Но главное: при всей необычности этой подписи почти через восемь лет Маяковский точно так же подпишет свой собственный рассказ «Давно прошедшее» на составленной им же литературной странице в газете «Новь» (1914. 20 нояб.).

В.Д.: То есть, может, писал, но не приносил.

Е.Л.: Не приносил. А потом я вам расскажу, как я узнала, что он стихи пишет...

В.Д.: Ну, это потом.

Е.Л.: Это я потом расскажу, намного потом.

В.Д.: Так. Ну, почему я вас сейчас остановил? Вы упомянули, что он называл себя «товарищем Константином». Вступил он, если опираться на «Автобиографию», где он, конечно, с датами очень тоже приблизительно... «1908 год. Вступил в партию РСДРП (большевиков)...»* Конечно, официального акта вступления не было, но он начал работать в конце 7-го или в начале 8-го года.

* Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. 1912–1917 / подгот. текста и примеч. В.А. Катаняна. М., 1955. С. 16.

Е.Л.: Он, очевидно, не был в партии, а Константин — это имя его дедушки. И он, когда хотел не под своим именем, себя Константином называл.

В.Д.: То есть, может быть, этот-то псевдоним «Константин» родился в период, когда Маяковский еще был гимназистом четвертого класса (по-теперешнему — седьмого) и потом стал партийной кличкой позже.

Е.Л.: А в то время в пятом классе 3-й гимназии учился Володя Гзовский*, брат актрисы Гзовской Ольги Владимировны. И вот он-то к нам и привел Маяковского.

В.Д.: Это потом уже?

Е.Л.: Нет, это вот в этот период.

В.Д.: В «Порыве»?

Е.Л.: Да. Но я-то дружила больше и считала себя взрослой тогда...

В.Д.: А это мальчишка был.

* Гзовский Владимир Владимирович (1891–1962), по словам С.С. Медведева, одно время «заправлял» журналом «Порыв». С Гзовским Маяковского свел, по всей видимости, Медведев.

Случай на балу в 3-й гимназии

Е.Л.: А вот Володю Гзовского и Володю Маяковского мы считали мальчишками. Между прочим, они были очень озорными мальчишками, вели себя очень озорно. Они, несмотря на то что были такие передовые, интеллектуальные (*говорит ироничным тоном*), были способны на самые невозможные шалости. Например, теперешний академик, Сергей Сергеевич Медведев, нам всем чуть жизни не стоил: он нас чуть всех живьем не сварил в кипятке. Шалость была такая.

В.Д.: А что же он сделал?

Е.Л.: Был бал в 3-й гимназии. Конечно, и я, и Лидочка Кубицкая, и Лидочка Гиршфельд (это мои подруги) были на этом балу в коричневых платьях. Сережа Игнатов там был, Володя Гзовский, Миша Медведев, то есть он Сергей Медведев...

В.Д.: А почему он Миша?

Е.Л.: Потому что Миша Медведев, от Медведева.

В.Д.: А!

Е.Л.: Это Сергей Сергеевич Медведев. Мы решили, что под надзором этих всех, кто там были... Не знаю, как в мужских гимназиях... Это не классные дамы...

В.Д.: Инспекторы.

Е.Л.: Инспекторы. Что под их надзором танцевать неинтересно. Хотелось повеселей танцевать, посмешней. Тогда Миша Медведев говорит: «Знаете что, пойдёмте вниз, в столовую». А у них было в подвале такое сводчатое большое помещение с бетонным полом и с большими столами. Это была какая-то трапезная, она сводчатая была*.

В.Д.: В подвале.

Е.Л.: Да, в подвале. И очень хорошо музыку было слышно сверху, с зала. Мы, конечно: «Пойдем!» Чудно слышно.

* «Под сводами» был гардероб, где гимназисты оставляли шинели. Сюда в перерывах между уроками неслись ученики, чтобы развлечься. Здесь же на большой перемене торговал булочник от Филиппова.

” Мы решили, что очень весело танцевать на столах: приятно, смешней и веселей. Столы длинные. Мы, значит, по этим столам. Весело было страшно. Вот тут Миша Медведев решил подшутить и обдать нас водой и открыл какой-то кран. Это был кран центрального отопления, и оттуда полил кипяток.

В.Д.: Горячая вода.

Е.Л.: Да. Мы были на столе, потому что мы на этом столе танцевали. Я помню, пар начинался, и никто соскочить не мог, потому что ногами надо было в кипяток. Мы стали кричать о помощи.

В.Д.: Но он-то был у крана. Он не мог сразу завернуть?

Е.Л.: Он? Он выскочил в дверь.

В.Д.: Ай-ай-ай!

Е.Л.: Он в дверь выскочил, но, очевидно, он стал в дверях кричать: «На помощь!» И вот я помню, мы ничего уже больше не видим, уже сводов не видно из-за пара, и поднимается к столу кипятильник уже. И помню, Володя Гзовский взял меня за руку и говорит: «Женя, прости, что мы тебя в такое...» Я говорю: «Ладно, что делать-то». Когда уже совсем дыханье сперло, то я вдруг увидела перед собой каску медную. Я уже теряла сознание. И каска медная меня схватила на плечо, и такая же медная каска схватила на плечо Володю Гзовского, Лидочку Кубицкую. Это я видела... Они уже все были полузадохшиеся. Это были пожарные.

В.Д.: Они успели вызвать пожарных?

Е.Л.: Пожарные были, оказывается, дежурные на балу. И вот они нас вытащили в своих высоких сапогах, конечно, этот кран закрыли. Ну, мы были в таком состоянии, что уже прямо только домой, прямо задохнувшиеся.

В.Д.: Танцевать больше не хотелось?

Е.Л.: Уж какое там танцевать! Ну, а мальчишкам, конечно, в 3-й гимназии досталось ужасно за это (*смеется*).

В.Д.: Да. За это могли исключить вообще-то.

Е.Л.: Да.

В.Д.: Это очень интересно.

Е.Л.: Так мы чуть не погибли страшной смертью. И до сих пор я вижу пар и в пару — каска, каска.

В.Д.: Наверное, в центральном отоплении там был не кипятильник.

Е.Л.: Нет, кипятильник, страшный. Пар был до потолка.

О судьбах друзей молодости

В.Д.: Это баня хорошая (*усмехается*). Очень хорошо. Этот эпизод еще, значит... Но это в то время, когда вы уже Маяковского видели, да, мальчиком? Или до?

Е.Л.: Я уже его видела, потому что я дружила с Володей Гзовским, который был почти что моего возраста. Володя Гзовский был на какой-то год меня моложе только.

В.Д.: Он гимназистом был?

Е.Л.: Тоже был гимназистом 3-й гимназии. И вот тут произошло... А Сережа Игнатов и Сережа Чемоданов были учениками уже восьмого класса 3-й гимназии.

В.Д.: Самого старшего?

Е.Л.: Старшего. И были такие очень положительные молодые люди. Сережа Чемоданов потом стал известным музыкальным критиком, Сергей Михайлович Чемоданов. Я, к сожалению, его не видела. Я вернулась из Парижа, а Чемоданов уже умер.

В.Д.: А с Сергеем Сергеевичем вы контакты не установили?

Е.Л.: Он мне писал туда.

В.Д.: А в Москве вы?.. Он жив еще?

Е.Л.: Он умер до моего приезда.

В.Д.: Медведев?

Е.Л.: Нет, Сергей Сергеевич Игнатов.

В.Д.: Нет, а Сергея Сергеевича Медведева?

Е.Л.: Нет-нет. Я не симпатизировала ему. А потом Медведев стал очень зазнаваться, совершенно отказался от своей собственной семьи, с сестрами не желает видаться, потому что семью он ни во что не ставит. Вообще, человек он — зазнайка. Он большой академик, и дай ему бог всего лучшего, а нам не по пути.

А Сергей Игнатов со мной переписывался. В Париже я получила от него письмо за несколько дней до его смерти. И вдруг получаю письмо не от него, а от Малицкой, Ксении Михайловны Малицкой, искусствоведа из Музея имени Пушкина. Вот это мой большой друг. Она специалистка по испанской живописи, испанской архитектуре. Вот ее книги стоят у меня. Много она книг издала. И вот получаю письмо от Малицкой. «Женя, — говорит она, — мне надо сказать вам очень тяжелое известие: Сережа умер. Я вам пишу после похорон Сережи». Это все были друзья моего детства.

Бунт в 3-й гимназии

Да, и вот теперь я вам расскажу, что случилось в 3-й гимназии. А 3-я гимназия кончала почему-то на двадцать минут, на четверть часа раньше наших занятий. Почему это так выходило, не знаю. Они все прибегали к нашему подъезду, когда мы выходили. И вот всегда Сережа Игнатов, Володя Гзовский, там еще был такой Борис Желтухин, вся эта компания приходила нас ждать у подъезда. Гимназии-то были почти что рядом, потому что тогда между Лубянской площадью и <Малой> Лубянской был маленький переулочек*.

В.Д.: А 3-я гимназия где была?

Е.Л.: 3-я гимназия была в здании, которое когда-то считалось домом князя Пожарского. Это было на углу Лубянской и Малой Лубянской**. Изумительно красивое здание, с такой мраморной лестницей. Теперь оно снесено.

В.Д.: Так что это рядом.

Е.Л.: Да. И там какие-то железобетонные серые здания вместо этого здания***.

* До реконструкции 1940-х гг. улица Малая Лубянка начиналась от Лубянской площади, но тот отрезок улицы, который шел от площади вдоль правого бокового фасада страхового общества «Россия» до поперечного Фуркасовского переулка, имел еще и уточняющее название: Предтеченский переулок – по церкви Иоанна Предтечи на пересечении обоих переулков (снесена в 1944–1945 гг.).

** По смыслу: не на углу улиц Большая Лубянка и Малая Лубянка (они не пересекаются), а между ними, т. е. в Фуркасовском переулке, который их соединяет. 3-я гимназия выходила главным фасадом на Большую Лубянку, а торцом в Фуркасовский переулок.

*** Здание, в котором помещалась 3-я московская гимназия, сооруженное в 1776 г. для князя Н.М. Голицына и перестроенное на рубеже XVIII–XIX вв. для его сына при участии Матвея Казакова (в частности ему принадлежала архитектура парадных интерьеров и ограда), снесено в 1928 г. На его месте в 1931 г. архитектор Иван Фомин вместе с Аркадием Лангманом возвел в аскетичном стиле громоздкий разноэтажный дом, облицованный известняком (Большая Лубянка, 12/1, угол Фуркасовского пер.). В подтверждение легенды, что он предназначен не прямо для ОГПУ, а для относившегося к его системе общества «Динамо», на первом этаже сначала располагался спортивный магазин «Динамо», но затем его заменил знаменитый 40-й гастроном. Теперь там – супермаркет сети «Седьмой континент». За зданием 3-й гимназии, фасадом на Малую Лубянку, стоял жилой дом для гимназических учителей.

Дом князя Н.М. Голицына на Большой Лубянке, в котором находилась 3-я московская гимназия. Москва, 1921. Автор фото Е.В. Шервинский. Источник фото: pastvu.com

В. Д.: Евгения Александровна, теперь вспомните, как вы уже дальше познакомились с ним.

Е. Л.: Подождите, я хочу рассказать, как кончилось дело с 3-й гимназией.

В. Д.: Пожалуйста.

Е. Л.: Вот они всегда за нами приходили и ждали нас у подъезда, потому что они кончали чуть раньше нашего. Между прочим, очень часто всей компанией потом шли пить чай к нам домой. Так что они все были с моим отцом дружны. Папа очень молодежь любил, и все они у нас... Громадные разговоры всегда: и философские, и политические, — все это у нас дома было.

Вот мы как-то выходим из гимназии — нет наших мальчишек. Мы по этому переулку пошли к зданию 3-й гимназии, думали, они запоздали. И тут совершенно невероятное зрелище было: улица (вернее, это был переулок) была вся черная, залитая чем-то черным. Совершенно, как море, черное было. Мы остановились. Стоит народ, все обсуждают. «Что случилось?» — «Да там бунт в гимназии, и гимназисты повыкинули из окон чернилницы всей гимназии»*. И все это было на улице. Эффектное зрелище! Невероятно! Извозчики чертыхаются, когда они влезают туда колесами, люди хохочут, одним словом... Мы говорим: «А где же, где же вот эти ученики?» — «А они там арестованы в здании, вызвали полицию». Ну, думаю, что теперь делать? Я побежала на Кузнецкий мост в издательство к моему отцу. «Папа, Сережа Игнатов, Володя Гзовский, Чемоданов — все сидят арестованные в 3-й гимназии». А директором 3-й гимназии был Сыроечковский, ученик, который учился вместе с моим отцом, его старый

товарищ по гимназии, потому что мой отец тоже был в 3-й гимназии. Папа моментально надел шапку, пальто — и в 3-ю гимназию. Я осталась у ворот. Тут толпа была. Папа пошел... Вот я вам фамилию точно не... По-моему, Сыроечковский** его фамилия была, а может я и...

* От улицы Большой Лубянки гимназию отделял глубокий двор. Перебросить чернильницы из лицевых окон на улицу не удалось бы. А из торцовых окон в Фуркасовский переулок – без труда.

** Директором 3-й гимназии был Евгений Иванович Сыроечковский, действительный статский советник. Вместе с сыновьями Борисом и Владимиром он и жил в своей гимназии.

В.Д.: Фамилия такая есть.

Е.Л.: Это можно восстановить, но, по-моему, так. Он был среднего роста, с седой бородкой. Выходит папа и говорит: «Вот из-за этой истории, из-за этого черного моря чернил они там все сидят арестованные. Больше тридцати человек их там. Забрали инициаторов этого восстания. Ну, что теперь делать? Надо по телефону говорить». И пошел к себе в магазин и давай звонить к отцу Сережи Игнатова (он был начальником Курского вокзала), к матери Гзовского, к Марии Николаевне... По папиным звонкам стали собираться родители, и на поруки понемножечку их выдавали, этих бунтарей. И при нас они выходили с родителями. Кончился так называемый бунт в 3-й гимназии довольно плачевно: было исключено из гимназии человек тридцать пять, причем целиком весь восьмой класс и из пятого и шестого класса — тех, которые принимали участие*.

* Медведев рассказывает об этой истории так: «В начале 1907–1908 учебного года, примерно в сентябре – октябре, я вместе с несколькими моими товарищами был исключен из гимназии. Причиной послужило следующее: один из учеников нашей гимназии повесился из-за издевательского отношения к нему инспектора. Была устроена сходка, на которую пришли три старших класса – VI, VII и VIII. Учениками принята была очень резкая резолюция, обвинявшая в смерти нашего ученика инспектора, педагогический совет гимназии и чуть ли не весь царский строй. Но, когда дело дошло до подписания резолюции, участники сходки раскололись на большинство и меньшинство. Тридцать подписавшихся были исключены из гимназии. В том числе и я» (В. Маяковский в воспоминаниях современников. С. 70).

И тут мальчики себя показали необычайно хорошо. Они организовали союз помощи сдачи экзаменов, и сдавали они все экстернами, причем старшие занимались с младшими. Все это организовал Сергей Сергеевич Игнатов, который крепко это дело взял в руки. И говорят, что таких блестящих экзаменов, как выгнанные из 3-й гимназии, вообще не запомнили. Ни одного не было слабого ученика.

В. Д.: Они сдавали в университет?

Е. Л.: Нет, они сдавали на аттестат зрелости. Сдали его блестяще. И вот Сергей Игнатов, Чемоданов, Александр Тагер, они разделили группы младших и их натаскали. Они сказали, что это было их обязанностью, чтобы они гимназию кончили. И они блестяще сдали экзамены.

В. Д.: Вы не знаете, Маяковский знал обо всей этой истории, о бунте?

Е. Л.: Знал все, но он был в стороне.

В. Д.: Он был в другой гимназии?

Е. Л.: В другой гимназии. Он был в стороне... Потому что он же ведь дружил с Медведевым, с Гзовским, они...

В. Д.: Вот вы, значит, встречали его некоторое время гимназистом, потом потеряли из вида?

Е. Л.: Нет, но тут я даже не могу сказать, что встречала.

В. Д.: Видала.

Е. Л.: Видала и от него принимала какие-то бумажки, эти статейки. Он мне в руки передавал и молча уходил.

В. Д.: А какие, что, вы не помните, конечно?

Е. Л.: Ничего. Как будто в общем уровне все это было.

В. Д.: Это были статьи?

Е. Л.: Статьи.

В. Д.: А не стихи?

Е. Л.: Нет-нет-нет, статьи были, главное дело, статьи все касались преобразования гимназии, нашего участия, так сказать, в руководстве гимназией — то, что теперь проводят во Франции, вот эти реформы, мы их тогда требовали.

В. Д.: А никаких материалов от «Порыва» у вас не сохранилось?

Е. Л.: Ничего. Нет, у меня были, конечно, журналы «Порыв», но потом у меня обыск как-то был, и мой отец перед обыском все мои «Порывы» и все это сжег.

В. Д.: Так. Ну, теперь дальше.

Маяковский в студии П.И. Келина

Е.Л.: А теперь рассказать вам, как я встретила с Маяковским?

В.Д.: Расскажите, да.

Е.Л.: Это было осенью 11-го года. Я занималась тогда живописью, рисованием в студии Келина, Петра Келина. Маяковский был в студии Келина до этого*. И как раз до моего поступления к Келину он выдержал экзамен в Школу живописи и ваяния, но он оставил там у Келина в мастерской о себе очень сильное впечатление.

* Келин Петр Иванович в 1903–1917 гг. в собственной студии готовил учеников к вступительным экзаменам в Московское училище живописи, ваяния и зодчества или в петербургское Высшее художественное училище при Академии наук. В 1910–1911 гг. студия находилась сначала в Тихвинском переулке (д. 9, стр. 1), затем переехала на Тверскую-Ямскую (д. 48). Маяковский поступил в студию Келина летом 1910 г. и занимался здесь больше года, до сентября 1911 г., когда был принят в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. В автобиографии (1922; 1928) в укор С.Ю. Жуковскому, школу которого Маяковский без ощутимой пользы посещал около 4-х месяцев в первой половине 1910 г., он писал: «Пошел к Келину. Реалист. Хороший рисовальщик. Лучший учитель. Твердый. Меняющийся. Требование – мастерство. Гольбейн. Терпеть не могущий красивенькое» (Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. 1912–1917 / подгот. текста и примеч. В.А. Катаняна. М., 1955. С. 19).

В.Д.: Хорошую славу, так сказать?

Е.Л.: Очень хорошую, потому что он был столь же талантливый художник, как он потом оказался поэтом. Но тогда его считали только художником, но очень талантливым и подающим действительно очень большие надежды.

В.Д.: Даже так?

Е.Л.: Очень, очень.

В.Д.: И Петр Иванович так считал?

Е.Л.: И Петр Иванович. Хотя Петр Иванович был, так сказать, далеко не справедливый оценщик, но более справедливые оценщики, чем Петр Иванович, тоже так считали. Петр Иванович очень любил подлизываться. Кто немножко импонировал, тех он считал очень высоко. Но Маяковский-то действительно был очень талантливый художник, очень.

В.Д.: Вы видели когда-нибудь что-нибудь из того, что он рисовал в студии Келина? До встречи с Бурлюком?

Е.Л.: Нет, в студии Келина его работ я не видела. А потом его работы в Школе живописи уже я видела.

В.Д.: А когда вы поступили в студию Келина, то Маяковского вы там уже не только не застали, но и не видали?

Е.Л.: Нет, не видела.

В.Д.: Он не ходил туда?

Е.Л.: Нет, он туда ходил, но я его не видела.

В.Д.: Заходил?

Е.Л.: Заходил, но я его не видела. И вообще его фигуры я не помню этого времени, понимаете.

Встреча с Маяковским на похоронах Валентина Серова

И вот я как-то осенью пришла в студию Келина и нашла там всех в необычайно горестном состоянии, все были в большом горе: умер художник Серов*. А мы все лелеяли надежду попасть в ученики к Серову, потому что Серов был тогда модернист. Серов тогда совершенно новые проповедовал принципы в живописи, и это была наша такая точка светлая, к которой мы все стремились: быть учениками Серова. И то, что умер Серов, для нас прямо мир закрылся, прямо темно у нас стало.

* Валентин Александрович Серов скончался в 9 часов 40 минут утра 22 ноября 1911 г. в своей квартире на втором этаже дома М.В. Клюкина (ныне – Староваганьковский пер., 21) после 20-минутного приступа стенокардии (тогда говорили – грудной жабы). Он спешил на очередной портретный сеанс в дом 11 по Новинскому бульвару. К 10 часам хозяйка дома, жена художника, коллекционера и мецената князя Сергея Александровича Щербатова, Полина Ивановна, надела платье, в котором позировала Серову. А он опаздывал, чего раньше не случалось. Но тут зазвонил телефон, и сын Серова сказал, что отец прийти на сеанс не сможет, потому что он умер. Горестная весть мгновенно облетела художественную Москву.

Последняя картина В.А. Серова. Портрет П.И. Щербатовой. 1911. Государственная Третьковская галерея

Мы, конечно, в этот день не работали. На следующий день мы сговорились идти на похороны Серова. Собрались мы во дворе церкви. Какая это была церковь, я уже не помню. Помню, что она была желтоватого цвета и окружена была большим двором*. На этом дворе мы собрались, и была такая толпа, что проникнуть в церковь было совершенно невозможно, там шла служба**. Я была с подругой, и мы по дороге купили чудесный букет белых цветов, белые розы были, необычайной красоты букет нам удалось купить, громадный. И вот вдруг ко мне подошел человек, прищуренный на один глаз (это был Бурлюк)***, и говорит: «Я вас проведу с вашим букетом». Бурлюка я не знала тогда. И Бурлюк взял меня под руку и стал кричать: «Дайте пройти цветам! Дайте пройти букету!» И так над толпой колыхался этот букет, а Бурлюк меня пропихивал в этой толпе. Говорят, было очень странное зрелище: такая толпа, которая раздвигалась, и над ней колыхался большой букет белых цветов. Так мы прошли в церковь и подошли к самому гробу****. Я положила цветы в ноги покойнику. Я первый раз в жизни видела тогда Серова. На меня его лицо, умное, такое сосредоточенное, произвело громадное впечатление. Я его помню до сих пор. Этот профиль Серова в гробу, я никогда не забуду*****.

* 24 ноября в половине десятого утра друзья и ученики покойного вынесли из квартиры гроб с его телом и после краткой литии на руках перенесли в приходскую Крестовоздвиженскую церковь, находившуюся за углом, на Воздвиженке, примерно в 250 м. Церковь, построенная в первой трети XVIII в. внутри Крестовоздвиженского монастыря (упразднен в 1814 г.), и 6-ярусная колокольня середины XIX в. снесены в 1934 г. Строения, окружавшие их, находятся по адресу: Воздвиженка (угол Крестовоздвиженского пер.), д. 7/6.

** Заупокойное богослужение продолжалось до часу дня. Его совершал настоятель храма о. Павел Парусников с отцом диаконом, пел хор певчих.

*** Бурлюк Давид Давидович (1882–1967), как и его младший однокашник Маяковский, был уполномочен учениками Московского училища живописи, ваяния и зодчества организационно представлять Училище на похоронах Серова. Прищуренным выглядел левый глаз Бурлюка, выбитый в детстве из игрушечной пушки, который забавлялся один из младших братьев Давида. Впоследствии Давид Бурлюк, деятельный приверженец художественного авангарда, сплотил радикальных поэтов и художников в группу будетлян-кубофутуристов и с гордостью называл себя «отцом русского футуризма».

**** Давиду Бурлюку тоже запомнилась прелестная, цветущая девушка. И через два десятилетия в своих мемуарах он продолжает любоваться ею и воспринимает ее как символ хрупкой и обреченной жизни: «На этих похоронах мне как-то особенно врезалось в память лицо милой девушки Ланге. <...> Ея юность, мелькавшая то здесь, то там в похоронной толпе, черным потоком наполнявшей вдруг узкие улицы Замоскворечья, разделявшейся на отдельные ручейки по соседним переулкам, – отгоняла стаи мрачных мыслей <...> Сквозь заиндевелую слюду воздуха девичьи щеки просвечивали, как лепестки роз, а глаза синели лазурью над простором морским. Молодая женщина и смерть. Зима и весна, которой грозят неудачи и беды» (Бурлюк Давид. Три главы из книги «Маяковский и его современники» // Красная стрела: сб.-антол. Нью-Йорк: Изд-во Марии Бурлюк, 1932. С. 15).

***** Фотография Серова на смертном одре помещена в газете «Утро России» (1911. 23 нояб. № 269. С. 2).

В.А. Серов в гробу. Москва, 24 ноября 1911. Фото из журнала «Искры», № 46, Воскресенье, 27 ноября 1911, С.362.

В это время в толпе произошло какое-то движение, и стали готовиться к выносу. Была страшная толчея. Где-то меня как-то закружило. Букета у меня спасительного больше в руках не было, и как-то с этой толпой меня выбросило во двор. За мной я слышала звуки молотка: что-то забивали*. И потом шествие двинулось. Народу была уйма. Были представители Большого театра, были представители Московского университета... Одним словом, кого только не было**.

* Когда закончилось церковное богослужение, «дубовый гроб был закрыт» (Московский листок. 1911. 25 нояб. № 271. С. 2) и вынесен из храма. Тут же, во дворе, настоятель отслужил краткую литию.

** Газетные репортеры называют городского голову Н.И. Гучкова, попечителя Третьяковской галереи, художника И.С. Остроухова, директора Училища живописи, ваяния и зодчества князя А.Е. Львова, директора Строгановского художественно-промышленного училища Н.В. Глобу, управляющего Московской конторой императорских театров С.Т. Обухова, бывшего директора Лазаревского института восточных языков академика В.Ф. Миллера, художников Александра Бенуа, Виктора и Аполлинария Васнецовых, Игоря Грабаря, Мстислава Добужинского, Сергея Жуковского, Константина Коровина, Михаила Нестерова, Леонида Пастернака, Николая Ульяновова, скульпторов Николая Андреева и Сергея Волнухина, архитектора Франца-Альберта (Федора) Шехтеля, режиссера Федора Комиссаржевского, актрису Ольгу Книппер-Чехову, поэта Валерия Брюсова, предпринимателя и мецената Савву Мамонтова и др.

И вот наше шествие двинулось по улицам Москвы за гробом*. Прошли мимо дома, где жил Серов. Перед домом играли траурный марш**. Двинулись дальше. Прошли мимо Школы живописи и ваяния, там играли траурный марш***. Во всяком случае, это шествие продолжалось весь день, до сумерек. К вечеру толпа стала таять. А прямо за гробом очень стройными темными рядами шли ученики Школы живописи и ваяния, и среди них шел, очевидно, и Маяковский. Была толпа. Мы шли сзади всех. Подошли мы к Даниловскому монастырю. Он в Даниловском был похоронен****, очень далеко от ворот. Мы долго шли аллеей до готовой могилы. Надо вам сказать, что толпа растаяла очень сильно. Дошла, может быть, десятая часть всех тех, которые в начале шли, потому что стало очень холодно. Это было в ноябре. Стал моросить холодный такой снежок. Вокруг могилы уже все было запорошено снегом, первым таким снегом. Как сейчас помню, было все белое и черное: был белый снег, были белые кресты, белые березки, и на всем этом были серые, темные силуэты людей.

* От Крестовоздвиженской церкви до Донского кладбища более 6 км. Траурное шествие началось в час дня, а завершилось только в четвертом часу.

** В Ваганьковском переулке, возле дома, в котором жил и умер Серов, процессия остановилась, и снова была отслужена лития. Музыки не было. Но по пути пел импровизированный хор учащихся художественных училищ и студийцев.

*** Мясницкую улицу с Училищем живописи, ваяния и зодчества похоронная процессия оставила далеко в стороне. Из Ваганьковского переулочка с гробом, поднятым на руках, и четырьмя повозками с венками процессия свернула налево, на Знаменку, а затем направо, на Волхонку, и по Ленинке дошла до Большого Каменного моста. Тот мост был правее нынешнего, ближе к храму Христа-Спасителя. Гроб пронесли через оба Каменных моста – Большой и Малый – и дальше по Лаврушинскому переулочку до Третьяковской галереи. Здесь отслужили еще одну литию, и только отсюда гроб повезли на катафалке под мерно покачивающимся белым балдахином по Замоскворечью за город. У святых ворот Донского монастыря гроб снова подняли на руки и внесли в монастырь. И снова отслужили литию. Затем из монастыря гроб вынесли и направились на соседнее новое Донское кладбище. Год назад в 30 шагах, слева от входа, тут похоронили Сергея Андреевича Муромцева, председателя Первой Государственной Думы. И теперь напротив его могилы выкопали могилу для Валентина Серова. Сгущались сумерки. Тучи ворон с карканьем кружили над головами. Еще одна краткая лития – и гроб опустили в землю.

**** Еще раз: Серов был похоронен на новом Донском кладбище. Оно лишь недавно, в начале XX в., было выгорожено за южной стеной Донского монастыря. Построенная здесь в 1904–1914 гг. церковь преподобного Серафима Саровского и святой благоверной княгини Анны Кашинской была переоборудована в 1926–1927 гг. под первый в Москве крематорий. В 1939 г. останки Серова перевезли на Новодевичье кладбище.

Смеркалось. У могилы была вдова Серова под черным креповым вуалем*. Начались речи. Говорили все очень почтенные господа, держа подмышкой бровные шапки. Были хорошо построенные академические речи. Такие опытные ораторы говорили.

В.Д.: Кто именно, вы не помните?

Е.Л.: Не помню. Там говорили и от газет, и от учреждений, весь культурный мир Москвы там был и говорил**. Между прочим, в толпе был Келин, я его помню. И самым последним выступил молодой человек. Очень высокого роста, в холодном стареньком черном пальто и с какой-то не бобровой, конечно, шапкой, а с каким-то очень скромным фетром подмышкой. Это был Маяковский.

* Давид Бурлюк рассказывает: «В.А. Серов написал свою жену у стены дома. Это – маленькая, сухенькая женщина. Горе еще более, как-то сразу уменьшило, высушило ее. Тут же на комьях мерзлой глины сироты» (Бурлюк Давид. Три главы из книги «Маяковский и его современники» // Красная стрела. С. 15).

** На могиле говорили четыре человека: сначала два ученика от петербургского Высшего художественного училища при Академии художеств, затем Маяковский от Московского училища живописи, ваяния и зодчества и наконец живописец, рисовальщик и гравер, академик живописи и профессор, близкий друг Серова Василий Васильевич Матэ – от Академии художеств.

В.Д. (шепотом, сам себе): Как здорово!

Е.Л.: И вот тут Маяковский впервые столкнулся с публикой. Маяковский говорил речь на похоронах Серова. Вся его речь была проникнута глубоким горем от этой потери, но также и надеждой на будущее, что «мы возьмем его знамя искусства и понесем»*. Я была очень поражена этой речью. Прекрасный голос, прекрасное построение речи, прекрасные мысли. Я просто думала: «Что это может быть? Кто это может

быть, молодой человек, который так говорит?»

* Безымянный газетный репортер передает речь неназванного ученика Училища живописи, ваяния и зодчества так: «Указав на тяжелые потери, которые понесло русское искусство за последние пять лет в лице <Борисова->Мусатова, Врубеля и, наконец, В.А. Серова, он высказался в том смысле, что лучшее чествование памяти покойного – следование его заветам» (Русское слово. 1911. 25 нояб. № 271. С. 3).

”
Была такая тишина, что буквально малейший шорох в деревьях был слышен — с таким вниманием его слушали. Когда он кончил, был момент затишья. И вдруг прошел шепот. Люди спрашивали: «Кто это? Кто это? Кто это говорит?» И тогда скрипучий резкий голос Бурлюка сказал: «Речь говорил представитель учеников Школы живописи, зодчества и ваяния Вла-ди-мир Ма-я-ковский». В первый раз перед людьми зазвучало имя «Маяковский».

В.Д.: А основные мысли?

Е.Л.: Основные мысли были такие, что он ушел, но его дело, его мысли, его обновление искусства живо. Вот приблизительно.

В.Д.: То есть он относился к Серову...

Е.Л.: Как к учителю.

В.Д.: Как к учителю или уже, так сказать, как ниспровергатель?

Е.Л.: Не-е-ет.

В.Д.: Не было этого?

Е.Л.: Нет. Он к Серову с глубоким почтением относился. Он же тогда был учеником Серова.

В.Д.: Ну, у Серова он не учился*.

Е.Л.: Ну да, но в Школе живописи и этот... Серов для нас всех был светоч.

В.Д.: То есть Серов в это время воспринимался еще как новатор?

Е.Л.: Новатор. Мы считали, что европейское что-то нам Серов несет, новаторское.

В.Д.: Если бы, скажем, в это время хоронили прожившего еще двадцать лет после этого Репина**, то это было бы другое?

* Маяковский был принят в Училище живописи, ваяния и зодчества в начале сентября 1911 г. А Серов, проработав в училище более 11 лет, подал заявление о выходе из состава преподавателей в январе 1909 г. (официально уволен 1 февраля).

** Илья Ефимович Репин скончался 29 сентября 1930 г.

Е.Л.: Не знаю. Тут трудно говорить. Вот я только могу...

В.Д.: В том смысле, что Серов меня интересует с точки зрения восприятия истории живописи. Значит, вы Серова воспринимали уже, так сказать, как новую большую главу после передвижников?

Е.Л.: Да-да. Мы все надеялись попасть в ученики к Серову. Все. Вот это наш был такой клич вообще. И Маяковского тоже. Он тогда собирался быть художником еще.

В.Д.: Вы впервые публично и вообще все...

Е.Л.: Все вообще впервые публично услышали Маяковского вот на этой...

В.Д.: И имя, которое назвал Бурлюк?

Е.Л.: И это имя назвал Бурлюк. Я помню его скрипучий голос, как он это называл...

В.Д.: Значит, это ноябрь девятьсот какого?

Е.Л.: 11-го года.

В.Д.: Правильно.

Е.Л.: Точное число ноября я не помню.

В.Д.: Это известно.

Е.Л.: Это было 21-е, 22-е или 23-е.

В.Д.: Это нехитро узнать.

Е.Л.: Это нехитро узнать.

В.Д.: Меня вот еще что интересует. А разве Бурлюк был уже в то время с ним знаком*?

* Бурлюк был принят в Училище живописи, ваяния и зодчества одновременно с Маяковским – в самом начале сентября 1911 г.

Е.Л.: Да, Бурлюк, конечно, был тогда. Потому что Маяковский поступил уже в Школу живописи и ваяния, и уже в течение двух или трех месяцев Бурлюк его опекал. Они были приятели неразлучные уже тогда. Бурлюк тогда уже раскусил и разглядел, что такое Маяковский.

В.Д.: Честь ему за это.

Е.Л.: Честь, честь! Бурлюк был тогда умник. Между прочим, вы знаете, что Бурлюк был талантливый художник? Он ведь потом себя изгадил своим блефом. Но я об этом потом расскажу.

В.Д.: Потом.

Е.Л.: Да. Это отдельно все.

В.Д.: А вы в этом юноше говорившем не узнали того долговязого паренька, который приходил?

Е.Л.: Нет-нет.

В.Д.: Не узнали?

Е.Л.: Нет, не узнала. Потом я, сопоставляя... Я это, знаете, когда узнала? Когда уже потом была очень дружна с Маяковским, и он мне говорил: «А помнишь, долговязый парень-то приходил в “Порыв”? Это же я был».

В.Д.: Ах, он сам...

Е.Л.: Сам. Уже через много лет это сказал.

В.Д.: Хорошо, простите, больше я вас перебивать не буду. Продолжайте дальше.

Е.Л.: Когда кончилась речь Маяковского, была абсолютная тишина, и среди присутствующих было удивление, точно открылось новое явление, новая звезда. Все просто были поражены. Я сказала моей подруге: «У меня впечатление, что разорвался кокон, и бабочка громадная раскрыла крылья». Вот такое у меня было впечатление.

В.Д.: И это было не только у вас...

Е.Л.: У всех было.

В.Д.: Поскольку эта речь попала во много газет, то есть в газетах есть много вырезок из этой речи*.

Е.Л.: Вот. Сергей Герасимов был там, помню, и тоже тогда... Он мне вот теперь, перед смертью, говорил,

какое на него тогда это впечатление произвело**.

* Помимо приведенного выше сообщения из газеты «Русское слово», ученик Училища живописи, ваяния и зодчества упомянут при перечислении выступавших (и тоже без фамилии) в газете «Утро России» (1911. 26 нояб. № 271. С. 4).

** Евгения Ланг вернулась в Советский Союз за два года до смерти художника Сергея Васильевича Герасимова (1885–1964).

В.Д.: Кого вы еще из художников помните? Это тоже очень интересно.

Е.Л.: Когда мы пошли уже, сильно смеркалось. Тут я увидела, как Келин подошел к Маяковскому и сказал: «Маяковский, я вас благодарю за эту речь». А Маяковский со свойственной ему дерзостью сказал: «Вам-то чего благодарить? Вот когда мы вас хоронить будем, тогда поблагодарите»*.

* Сам Келин написал об этом так: «Помню, после похорон говорю ему: – Я вам очень благодарен, что вы так хорошо отнеслись к Серову. А он в ответ: – Подождите, Петр Иванович, вас мы еще не так похороним» (Келин П.И. Маяковский в моей студии // В. Маяковский в воспоминаниях современников. С. 90).

В.Д.: Вот что это значило?

Е.Л.: Что не так уж высоко Келина ценил. И не ценил его высоко, между прочим. Потом я это все узнала.

Мы пошли по этой главной аллее кладбища. Уже сильно смеркалось. Мне было очень холодно, я, очевидно, простудилась сильно за этот день, когда трепалась по этому снегу, и я все время нос терла и сморкалась, и мне платка не хватало. Одним словом, вот когда простудишься, когда идешь и только думаешь, как в тепло попасть. И моя приятельница Людмила Некрасова, которая со мною шла, говорит: «Посмотрите, за нами по пятам идет Маяковский с товарищем». Вот теперь закройте это. То, что я вам хочу <сказать>, не хочу, чтобы было записано, это между нами. (*Слышен щелчок магнитофона, но магнитофон не выключался.*) Они шли, буквально наступая нам на ноги сзади. Тогда Людмила Некрасова обернулась и сказала: «Молодые люди, не можете ли вы идти немножко подальше, нечего нам на ноги наступать». Тогда Маяковский сказал ужасно серьезно, без шутки, без всего: «Я не за вами иду. Я иду за той девушкой, которая идет с вами. Я ее потерял и наконец нашел». Это про меня было. Я это приняла как чистую выходку, как хулиганство, и мы с Людмилой ускорили шаг. (*По-видимому, Ланг показала, что можно включить магнитофон. Слышится щелчок и слова Дувакина: «Продолжайте».*)

Ухаживания Маяковского

Когда мы вышли из ворот, мы видели, как в воротах стояли Маяковский и Бурлюк и смотрели нам вслед. Мы взяли извозчика. Я сперва доехала на Кировскую*, а Людмила на этом извозчике поехала дальше на Арбат. Дома я застала семью уже за ужином. Тепло было, хорошо. Я побежала в ванную комнату, вымылась горячей водой, взяла чистый носовой платок и села прямо за стол. Отец мой, который был в курсе всех художественных и литературных дел Москвы, конечно, стал меня расспрашивать, как и что было. Я в общих чертах рассказала и потом говорю: «Знаешь, папа, такой молодой гений выступил. О нем когда-нибудь еще весь мир услышит».

* Тогда и теперь – Мясницкая.

В. Д.: Это вы сказали?

Е. Л.: Я сказала.

В. Д.: Тогда?

Е. Л.: Тогда сказала за столом и рассказала про эту речь. В этот момент — телефонный звонок. Телефон был на стене. Подошел папа, что-то спросил, потом подходит к столу и говорит: «Иди к телефону. Это тебя твой гений просит». Я подошла. Это действительно был Маяковский.

В. Д.: А как он узнал ваше имя?

Е. Л.: Вот. Он мне говорит: «Женя Ланг?» Я говорю: «Да». Он говорит: «Вот видите, я узнал ваше

имя и фамилию. Я узнал ваш номер телефона». Я потом узнала от кого. Медведев ему сказал. Потом-то я это узнала. «И то, что я вам сказал на кладбище, было совершенно серьезно, и не принимайте этого в шутку». А я ему сказала: «А я не в шутку приняла, а как хулиганство». Вот как это было дело. И положила трубку. На следующее утро Маяковский оказался у моего подъезда. Причем первым его увидел папа через занавеску, говорит: «По-моему, твой гений уже у подъезда стоит». Папа принимал это очень юмористически. Ну, мне такое наступательное ухаживание не нравилось. Я все-таки двадцати одного года и считала себя серьезной...

В. Д.: У вас уже жених был?

Е. Л.: У меня был жених, но жених у меня был моряк и плавал где-то в морях, и была я невестой уже года три.

В. Д.: Ах, вот как!

Е. Л.: Да.

В. Д.: И вы за него потом вышли замуж?

Е. Л.: Я потом вышла за него, да.

В. Д.: Кто по фамилии?

Е. Л.: Узунов.

В. Д.: Узунов? Он так и остался моряком?

Е. Л.: Нет, он потом стал декоратором в Первой студии Станиславского. Это уже совсем другая история. Подождите, я сбилась совсем.

В. Д.: Да, простите. Вы кончили тем, что он ждал вас у подъезда.

Е. Л.: Да. Я, конечно, вышла, чтобы пойти. Мой гений пошел за мной и проводил меня до метро (*поправка*) до трамвая. Я «метро» говорю, тогда метро-то не было. До трамвая. И стал он за мной заходить вот так по утрам каждый день и провожать до трамвая. Можете себе представить, что приблизительно на пятую, на шестую прогулку мы все-таки заговорили. А потом он, кроме этого, еще к нам домой звонил и вступал в разговоры с моим отцом, и моему отцу он ужасно понравился. Папа говорил: «Твой гений, знаешь, совершенно выдающийся, интересный, остроумный и занятный молодой человек. Действительно, я начинаю верить, что гений».

В. Д.: Он шутя говорил?

Е. Л.: Шутя, мило так очень.

В. Д.: Он сам, значит, был книжник?

Е. Л.: Да. У нас в доме, вообще, весь тогда культурный мир московский бывал, так что папа был очень чуткий человек.

В. Д.: Широкий.

Е. Л.: Широкий, очень широкий. Мы стали с ним разговаривать. Он стал за мной к Келину заходить. Разговоры у нас были с ним очень серьезные, литературные и философские, на всякие темы. Домой я его не хотела приглашать, потому что отец уже часто хворал. И потом мне не нравилось, что за Маяковским была орава каких-то довольно хулиганистых молодых людей, которых я не хотела к себе в дом пускать.

В. Д.: Кто у него был, вы не знаете?

Е. Л.: Нет. Разные там ученики Школы живописи были. Хулиганистые очень. Он даже был как бы их главарем. Ведь ему очень мало было, ему было восемнадцать лет. Он был провинциальным мальчиком,

и из него перла жизненная сила.

В. Д.: Это значит, зима 11-го — 12-го года.

Е. Л.: 12-го года. Совершенно случайно мы с ним набрали на такую мысль, что прекрасное место для разговоров — это колокольня Ивана Великого. На колокольню вход стоил копейку, медную. Мы давали сторожу две медные копейки и поднимались. На колокольне были великолепные скамейки. Маяковский и я на колокольне Ивана Великого под снежок сидели и разговаривали на всякие темы. Причем Маяковский меня, конечно... Он говорит: «Что это такое? Какая это помолвка? Что за жених, который где-то по морям...» Я говорю: «Ну что вы, Володя, вы, что ли, жених, действительно? Со мной о любви не говорите». И он сдержал слово. Я сказала: «Больше на Ивана Великого не буду ходить, если будете о любви разговаривать. Другие есть темы».

В. Д.: Он, значит, пытался объясняться?

Е. Л.: Да, что любит меня беспредельно. Ну, восемнадцать лет, понимаете... Он очень хорошо понял, что об этом говорить не нужно.

В. Д.: Ему — восемнадцать, вам — двадцать один?

Е. Л.: Да, мне двадцать один был. А потом мы подумали, что куда лучше, если подниматься на Ивана Великого с горячими пирожками. На Красной площади чудесные продавали жареные пироги. И мы с ним покупали себе целый завтрак: пироги с мясом, пироги с капустой, и с грибами, и с вареньем. Маяковский вырывал рисунки из своего альбома и заворачивал эти пироги, чтобы доверху донести их горячими. На Иване Великом мы сидели в этой нише, ели эти горячие пироги и беседовали. Тут он мне очень много рассказал о своем детстве, об отце. Он очень отца любил. О том, как его отец тоже фантазировал, как он в грузинских лесах мечтал прививать плодовые деревья, чтобы заблудившийся путник мог бы рвать плоды прямо с деревьев. Я ему рассказывала про своих рыб золотых. Одним словом, у нас с ним была масса литературных и философских разговоров, потому что Маяковский очень философствовать любил, очень.

В. Д.: Что вы говорите?!

Е. Л.: Очень-очень.

В. Д.: По-моему, потом этого не было.

Е. Л.: Было всегда, но это было... Он наступил на горло собственной песне и собственной мысли. Потому что я Маяковского знаю очень хорошо. И так вот проходила зима. Это уже стало милой привычкой.

В. Д.: Вся зима так 11-го года?

Е. Л.: Да-да, каждый день почти.

В. Д.: Ну, а о других женщинах он говорил в это время? О Вере Федоровне Шехтель*?

* Шехтель Вера Федоровна (1896–1958) – дочь архитектора Федора Осиповича Шехтеля и младшая сестра Льва Шехтеля, подружившегося с Маяковским в Училище живописи, ваяния и зодчества. Впервые увидела Маяковского только через год с лишним – 5 марта 1913 г.

Е. Л.: Ничего не говорил.

В. Д.: Ничего?

Е. Л.: Ни-че-го. Каждый день меня провожал на башню. И мы там сидели и ели пироги.

И вот был вернисаж какой-то выставки. Был ли это Союз художников*, я не знаю?

В. Д.: Союз молодежи**?

- * Союз русских художников (1903–1923) – творческое объединение, образовавшееся от слияния выставочной группы «36 художников» и «Мира искусства» в противовес приверженцам позднего передвижничества и академизма. Среди действительных членов Союза были братья Аполлинарий и Виктор Васнецовы, Сергей Жуковский, Константин Коровин, Михаил Нестеров, Леонид Пастернак, Кузьма Петров-Водкин, Мартирос Сарьян, Валентин Серов, Константин Сомов, Василий Суриков, Павел Трубецкой.
- ** Союз молодежи (1909–1919, с перерывами) – творческое объединение радикальных художников (авангарда авангардистов). Основано по инициативе Михаила Матюшина и Елены Гуро.

Е.Л.: Нет, это была настоящая большая выставка каких-то больших художников. Не могу вам сказать, но там были все тогдашние знаменитости выставлены*. Я захожу в дверь выставки, масса народу, очень нарядная публика, и вдруг раздается хор двадцати или тридцати мальчишеских голосов, которые буквально орут на всю выставку: «Пришла Женечка Ланг. Маяковский влюблен в Женечку Ланг!» Я обозлилась страшно. Я хотела повернуться и уйти. За мной побежал Бурлюк, велел этим мальчишкам остановиться, замолчать, и уговорил меня не уходить. Я с Бурлюком обошла выставку. Тут я поняла, что дальше продолжать нельзя, что мальчишки зазнались, и дальше пойдет хулиганство, и я сказала Маяковскому...

В.Д.: А Маяковский был на этой выставке?

Е.Л.: Был, среди этих хулиганов был. Я ему сказала: «Володя, хватит. Раз за вами такая свора...»**

* Это могла быть выставка художников возобновленного «Мира искусства» (3–18 декабря 1911 г.), устроенная в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, или сменившая ее там же 9-я выставка Союза русских художников (26 декабря 1911 г. – 24 января 1912 г.), или 40-я выставка Товарищества передвижников (26 декабря 1911 г. – 29 января 1912 г.), проходившая в Историческом музее.

** Если так, то общение Маяковского с Евгенией Ланг продолжалось с конца ноября 1911 г. в лучшем случае до конца января 1912 г.